

IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В. Г. РЕВУНЕНКОВА «ОШИБКИ СТАЛИНА В ОЦЕНКЕ СТАТЬИ ЭНГЕЛЬСА “ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА”»

В конце 2009 г. в Санкт-Петербургское отделение Государственного Архива РАН поступили материалы личного архива Владимира Георгиевича Ревуненкова (1911–2004 гг.), видного советского и российского историка, доктора исторических наук, профессора, в течение почти тридцати лет возглавлявшего кафедру истории Нового и новейшего времени Исторического факультета Ленинградского – Петербургского университета. В. Г. Ревуненков был крупным специалистом по истории Германии, истории международных отношений последней трети XIX – начала XX веков. Но наибольшую известность он приобрел как исследователь истории Великой Французской революции конца XVIII века. Автор многочисленных научных работ (статей, монографий), учебников и учебных пособий по новой и новейшей истории стран Запада и Америки.

Переданные на архивное хранение материалы В. Г. Ревуненкова после их классификации были сгруппированы в нескольких фондах. Особый интерес для нас, конечно, представляет фонд, в котором собраны «Научные труды и материалы к ним (1940–2001)», где выделен раздел «Курсы лекций, статьи, доклады, тезисы, интервью (1940–2001)».

Статья «Ошибки Сталина в оценке статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», которую мы сочли необходимым опубликовать, как следует из приложенной к двум вариантам статьи записки, написанной самим В. Г. Ревуненковым, была направлена в несколько московских журналов. Но в этой же записке рукой Владимира Георгиевича написано, что московские журналы отвергли статью. «Перепечатка в редакциях выслана мне с мотивировкой отказа», – говорится здесь. У нас нет сведений о том, в какие журналы, когда направил ученый свою статью,

как и об аргументах издателей московских журналов. На одном из вариантов статьи есть только штамп о регистрации почты в журнале «Коммунист», где можно прочесть «входящий № 278». И дата – 20 апреля 1962 г.

Статья Владимира Георгиевича интересна тем, что автор не просто фиксирует фактические ошибки, допущенные Сталиным в оценке статьи Ф. Энгельса, но называет и причины этих ошибок – антиисторизм, субъективизм Сталина в оценке исторических событий. Главный принцип, который во всех своих научных изысканиях использовал В. Г. Ревуненков, принцип, которому он учил своих учеников – принцип историзма, предполагающий необходимость при анализе событий и явлений истории, при оценке тех или иных концепций учитывать состояние источниковой базы, состояние научной разработанности проблемы. Иначе говоря, как пишет Владимир Георгиевич в предлагаемой читателю статье, «нельзя на явления одной эпохи переносить те критерии, с которыми можно и должно подходить к явлениям более поздней эпохи».

Предисловие и подготовка материала к публикации
выполнена доцентами Н. П. Евдокимовой и А. А. Петровой

*****

В. Г. Ревуненков

ОШИБКИ СТАЛИНА В ОЦЕНКЕ СТАТЬИ ЭНГЕЛЬСА “ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА”

В июле 1934 г. Сталин обратился с письмом к членам Политбюро ЦК, в котором подверг критике статью Энгельса “Внешняя политика русского царизма”, написанную в 1890 г., а также некоторые письма Энгельса к Бебелю, относящиеся к 1891 г. Разумеется, в самом факте критического рассмотрения данного произведения Энгельса нет ничего предосудительного. При всем глубочайшем уважении и любви, которые марксисты-ленинцы всех поколений питали и продолжают питать к Марксу и Энгельсу, они никогда не смотрели на своих великих учителей, как на людей, которые нигде и ни в чем не ошибались. Хорошо известно, что Маркс и Энгельс допускали отдельные фактические ошибки и неточности в оценке тех или иных событий или исторических деятелей из истории как России, так и

других стран. Ученых, которые никогда и ни в чем не ошибаются, вообще не существует, а что касается Маркса и Энгельса, то поражаться приходится не тому, что у них встречаются отдельные ошибки, а тому, что таких ошибок встречается у них так мало, несмотря на то, что разработка фактической истории ряда стран (в том числе и истории России) стояла в их время на низком уровне, а по многим вопросам у них просто не было мало-мальски доброкачественных источников. В современной марксистской исторической литературе отмечен ряд отдельных ошибочных суждений Маркса и Энгельса по конкретным историческим вопросам, которые были плохо изучены в их эпоху (например, ошибочная оценка Энгельсом тактики и роли Кутузова в Бородинском сражении, ошибочная оценка Марксом исторической роли Симона Боливара и другие). Однако критика Сталиным статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма” носила особый характер.

Сталин сконцентрировал свое внимание не на отдельных фактических неточностях и ошибках в освещении внешней политики России XVIII–XIX веков, которые действительно имеются в этой статье Энгельса. Сталин поставил под сомнение общую идейно-политическую направленность статьи. Сталин признал данный Энгельсом анализ международной обстановки и причин назревавшей войны односторонним, неверным, причем подчеркнул, что этот анализ ведет якобы к оппортунистическим выводам по вопросу о характере войны. Сталин признал также ошибочной позицию, которую Энгельс занял в 1891 г. по вопросу о войне. Фактически Сталин бросил Энгельсу обвинение в “оппортунизме”.

Тем самым Сталин явно сошел с тех позиций, на которых стояли и всегда будут стоять марксисты-ленинцы в отношении Маркса и Энгельса. Ни один марксист-ленинец не позволит себе бросать по адресу Маркса и Энгельса бездоказательные обвинения в “оппортунизме”, ибо это противоречит всему облику Маркса и Энгельса и решительно опровергается фактами. Бросив Энгельсу голословное обвинение в “оппортунизме” Сталин совершил именно тот недопустимый для марксиста-ленинца поступок, от которого Ленин в 1916–1917 годах предостерег своего друга, видную большевичку Инессу Арманд, которая тогда склонна была считать, что позиция Энгельса в 1891 году по вопросу о войне была якобы ошибочной. “Энгельс был прав, – писал Ленин Инессе Арманд. – Я на своем веку больно много видел скоропалительных обвинений Энгельса в оппортунизме и отношусь к ним архинедоверчиво: Попробуйте, мол,

докажите, что Энгельс был неправ!! Не докажете!”¹. Ленин разъяснял Инессе Арманд, что у Маркса и Энгельса можно найти отдельные ошибки, но нельзя сомневаться в том, что они от начала до конца своей жизни были подлинными революционерами, непримиримыми ко всякому оппортунизму. “Энгельс не непогрешим. Маркс не непогрешим. Но за указание их ”погрешностей” надо братья иначе, ей-ей, совсем иначе. В то Вы 1.000 раз неправы”² – писал Ленин. В одном из последующих писем к Инессе Арманд Ленин указывал: “Я все еще “влюблен” в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет это – настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить”³.

Скоропалительно обвинив Энгельса в “оппортунизме” Сталин сошел с той почвы, на которой, по мнению Ленина, всегда должны стоять марксисты. Сталин допустил верх несправедливости в отношении Энгельса и лишь доказал свою собственную неспособность действовать научно, т.е. исторически оценить позицию Энгельса по вопросу о войне, занятую им в 1890–1891 годах. Однако Сталин допустил произвол не только в отношении Энгельса. Сталин явно игнорировал ленинскую оценку позиции Энгельса в 1890–1891 годах, как позиции правильной, революционной, интернационалистской. Разумеется, никто не станет обвинять Сталина в том, что он в своем письме 1934 года по поводу статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма” игнорировал письма Ленина к Инессе Арманд, в которых Владимир Ильич в наиболее развернутой форме высказал свой взгляд на позицию Энгельса в 1890–1891 годах. Письма Ленина к Инессе Арманд были опубликованы лишь в 1949 году. Но Сталин не мог не знать, что вопрос об оценке позиции Энгельса в 1890–1891 годах являлся одним из тех вопросов, по которым Ленин еще в начале Первой мировой войны дал решительный бой русским и немецким социал-шовинистам, пытавшимся ложными ссылками на Маркса и Энгельса оправдать свое предательство принципов пролетарского интернационализма.

Так, например, в брошюре “Социализм и война” (1915 г.), в специальном параграфе, который носит название “Ложные ссылки на Маркса и Энгельса”, Ленин писал: “Социал-шовинисты русские (с Плехановым во главе) ссылаются на тактику Маркса в войне 1870 г.; – немецкие (типа Ленча, Давида и К^о) на заявление Энгельса в 1891 г. об обязательности для немецких социалистов защищать отечество в случае войны с Россией

¹ В. И. Ленин – Инессе Арманд 25 декабря 1916 г., В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 214.

² В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 214.

³ В. И. Ленин – Инессе Арманд 30 января 1917 г., В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 225.

и Францией вместе; наконец, социал-шовинисты типа Каутского, желающие примирить и узаконить интернациональный шовинизм, ссылаются на то, что Маркс и Энгельс, осуждая войны, становились тем не менее постоянно, от 1854–1855 до 1870–1871 и 1876–1877 годов на сторону того или иного воюющего государства, раз война все же разражалась. Все эти ссылки представляют из себя возмутительное искажение взглядов Маркса и Энгельса в угоду буржуазии и оппортунистам”⁴. И далее Ленин разъяснял, что война 1870–1871 гг. “была исторически прогрессивной со стороны Германии, пока не был побежден Наполеон III, ибо он, вместе с царем, долгие годы угнетал Германию, поддерживая в ней феодальное раздробление... Перенесение оценки этой войны, буржуазно-прогрессивной и национально-освободительной, на современную империалистскую войну есть издевательство над истиной. То же относится с еще большей силой к войне 1854–1855 гг. и всем войнам XIX века, когда не было ни современного империализма, ни созревших объективных условий социализма, ни массовых социалистических партий во всех воюющих странах”⁵.

В статье “Итоги дискуссии о самоопределении” (1916 г.) Ленин, указывая на то, что Маркс стоял за независимость Польши “с точки зрения интересов европейской демократии в ее борьбе против силы и влияния – можно сказать: против всемогущих и преобладающего реакционного влияния – царизма”, заявлял: “Правильность этой точки зрения получила самое наглядное и практическое подтверждение в 1849 г., когда русское крепостное войско раздавило национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии. И с тех пор до смерти Маркса, даже позже, до 1890-го года, когда грозила реакционная война царизма в союзе с Францией против не империалистской, а национально независимой Германии, Энгельс стоял прежде всего и более всего за борьбу с царизмом”⁶.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в своем письме к членам Политбюро ЦК по поводу статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма” Сталин полемизирует не только с Энгельсом, но фактически и с Лениным; Сталин отвергает ленинскую оценку позиции Энгельса по вопросу о войне в 1890–1891 годах, хотя и не решается назвать прямо имени Ленина.

---

⁴В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 279.

⁵В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 280.

⁶В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 325.

*

*

*

Марксизм-ленинизм требует исторического подхода к изучению всех общественных явлений. На явления одной эпохи нельзя переносить те критерии, с которыми можно и должно подходить к явлениям более поздней эпохи. В одном из своих писем к Инессе Арманд Ленин указывал: “Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории”⁷.

Только так можно подходить и к оценке тех взглядов, которые Энгельс высказывал в 1890–1891 гг. на развитие международной обстановки и задачи социал-демократии. От статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма”, написанной за 25 лет до возникновения Первой мировой войны, нельзя требовать, чтобы она была поучительной “с точки зрения выяснения проблем империализма и империалистических войн”, как этого требует Сталин.

Известно, что ни Маркс, ни Энгельс не дожили до наступления эпохи империализма, которая, как это неоднократно подчеркивал Ленин, “начинается не раньше как в 1898–1900 годах”⁸. “Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899–1902), русско-японская (1904–1905) и экономический кризис в Европе 1900-го года – вот главные исторические вехи новой эпохи всемирной истории” – писал Ленин, понимая под этой новой эпохой эпоху империализма, как высшей стадии капитализма⁹.

Ясно, что на явления эпохи домонополистического капитализма, в которую жил Энгельс, нельзя переносить критерии, с которыми можно и должно подходить к оценке явлений эпохи империализма, наступившей уже после смерти Энгельса. В забвении этого, в забвении различий двух эпох – эпохи домонополистического капитализма и эпохи империализма, гранью между которыми являются 1898–1900 годы, – и заключается источник всех ошибок Сталина в оценке статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма”.

---

⁷В. И. Ленин – Инессе Арманд 30 ноября 1916 г., В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 200.

⁸В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 100.

⁹В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 95.

В статье “Внешняя политика русского царизма” Энгельс следующим образом характеризует международную обстановку, сложившуюся к началу 90-х годов:

“Современное положение Европы определяется тремя факторами: 1) аннексией Эльзаса-Лотарингии Германией; 2) стремлением царской России к Константинополю; 3) борьбой между пролетариатом и буржуазией, все жарче разгорающейся во всех странах...

“Двумя первыми фактами обуславливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Аннексия Эльзас-Лотарингии превратила Францию в союзницу России против Германии. Оба лагеря готовятся к решительному бою, – к войне, какой еще не видывал мир, к войне, в которой будут стоять друг против друга от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов...

“Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазии о мировом господстве заняться своими собственными жизненными интересами внутри страны...

“В этот день Бисмарк потеряет всех своих союзников против Франции, которых толкнула в его объятия русская угроза. Ни для Австрии, ни для Италии не будет тогда ни малейшего интереса таскать для Бисмарка каштаны из огня грандиозной европейской войны. Германская империя вернется к тому изолированному положению, когда, по словам Мольтке, все ее боятся и никто не любит, что является неизбежным результатом ее политики... А тогда и Бисмарк или его преемник трижды подумают, прежде чем решится затеять против Франции такую войну, в которой ни Россия против Австрии, ни Австрия против России не станут прикрывать его с фланга...

“В тот же день Австрия потеряет свое единственное историческое право на существование, – право, принадлежащее ей как барьеру против русского наступления на Константинополь. Как только Россия перестанет угрожать Босфору, Европа совершенно не будет заинтересована в существовании этого пестрого клубка народов. Совершенно безразличным станет тогда и весь так называемый восточный вопрос, – вопрос о сохранении турецкого владычества в славянских, греческих и албанских областях, а также и спор об обладании входом в Черное море... Мадыяры, румыны, сербы, болгары, арнауты (т.е. албанцы, В. Р.), греки и турки получат, наконец, возможность без вмешательства посторонней силы разрешить свои внутренние

споры, размежевать свои национальные территории, устроить свои внутренние дела по собственному усмотрению...

“В тот день, когда падет царская власть, эта последняя твердыня общеевропейской реакции, – в этот день совсем другой ветер подует в Европе”¹⁰.

Если подойти к оценке этого отрывка с действительной научной точки зрения, т. е. исторически, а не так, как это делал Сталин, то следует признать, что здесь ясно и полно обрисованы реальные международные противоречия конца 80-х годов, противоречия между германским и франко-русским блоком, которые создавали опасность возникновения общеевропейской войны, а также блестяще охарактеризованы международные последствия русской революции, в которой Энгельс видел силу, способную изолировать такого поджигателя войны, как Бисмарк, и в корне изменить весь облик Центральной и Юго-Восточной Европы, причем, так изменить, что развязывание новой войны в Европе станет невозможным. При чтении этого отрывка невольно проникаешься чувством уважения к тому величайшему дару научного предвидения, которым обладал Энгельс. Сталин, который процитировал этот отрывок далеко не полностью (он исключил из него раздел, посвященный международным последствиям русской революции), ставит в упрек Энгельсу то, “что в этой характеристике положения Европы и перечне причин, ведущих к мировой войне, упущен один важный момент, сыгравший потом (!) решающую роль, а именно – момент империалистической борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, имевший уже тогда серьезнейшее значение, упущены роль Англии, как фактора грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда серьезное значение и сыгравших потом (!) почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны... Это упущение составляет главный недостаток статьи Энгельса”¹¹.

Но все эти упреки Сталина по адресу Энгельса свидетельствуют лишь о неспособности самого Сталина исторически подойти к рассмотрению того вопроса, который он взялся анализировать. Энгельс вполне естественно не мог писать о моментах, которые, по словам самого же Сталина, сыграли решающую роль “потом”, т. е. после смерти Энгельса, уже в другую эпоху. В конце 80-х годов еще не было ни империализма вообще, ни империалистической борьбы за колонии, ни англо-германского антагонизма, как

¹⁰К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 37–39.

¹¹И. Сталин. О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”, “Большевик”, 1941, № 9, стр. 4.

ведущего противоречия международной политики. Разумеется, в 80-е годы, как и много раньше, великие державы захватывали и делили между собой колонии. Однако колониальный вопрос приобрел первостепенное значение в международной политике лишь после смерти Энгельса, в связи со вступлением капитализма в монополистическую стадию своего развития. Международные конфликты, в которых наиболее ярко проявилась империалистическая борьба за колонии, хорошо известны. Это – набег Джемсона и его осуждение Вильгельмом II (1895–1896 гг.), территориальные захваты Японии, царской России, Германии, Англии и Франции в Китае (1895–1898 гг.), испано-американская война (1898 г.), Фашодский конфликт (1898–1899 гг.), англо-бурская война (1899–1902 гг.) и другие. Но все эти конфликты происходили уже после смерти Энгельса. Что касается англо-германских отношений, то не менее хорошо известно, что конец 80-х и начало 90-х годов – это период сближения Англии с Тройственным союзом и с Германией, которое нашло свое выражение в таких фактах, как создание Средиземноморской Антанты (1887 г.), заключение англо-германского договора о разделе сфер влияния в Восточной и Юго-Восточной Африке (1890 г.) и других. Разумеется, англо-германский антагонизм нарастал на протяжении длительного периода времени, однако конфликт между Англией и Германией в Южной Африке, англо-германское морское соперничество, борьба вокруг постройки Багдадской железной дороги и другие события, в которых англо-германский антагонизм впервые проявился в открытой форме, произошли уже после смерти Энгельса.

Так обстоит дело с “главным недостатком”, который Сталин нашел в статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”. Мы убедились, что единственным недостатком здесь является неисторический подход самого Сталина к оценке взглядов Энгельса.

Энгельс ярко и полно охарактеризовал международные противоречия своей эпохи, эпохи домонополистического капитализма, которые создавали опасность возникновения мировой войны. Новые, дополнительные международные противоречия, такие как империалистическая борьба за раздел и передел колоний, как англо-германский антагонизм и другие, противоречия, которые еще более усилили опасность возникновения мировой войны и сделали ее в конце концов неизбежной, эти противоречия не могли найти отражения в статье Энгельса, в новую историческую эпоху, эпоху империализма, в которую мир вступил на рубеже XIX и XX века. Утверждение Сталина, что будто бы эти противоречия (англо-германский антагонизм и другие) имели серьезное значение уже в самом

начале 90-х годов, является ошибочным. Сталину можно и должно возразить словами, которые Ленин в свое время адресовал Инессе Арманд, допускавшей аналогичные ошибки: “Вы забыли главное: в 1891 г. не было империализма вообще (я старался доказать в своей брошюре¹², что он родился в 1898–1902 г., не раньше) и не было империалистской войны, не могло быть со стороны Германии”¹³; “1891-ый год. Колониальная политика Франции и Германии ничтожна. У Италии, Японии, С/Штатов вовсе нет колоний (теперь есть)”¹⁴.

Сталин, далее, ставит в вину Энгельсу “переоценку роли стремления царской России к Константинополю в деле назревания мировой войны”, равно как и “переоценку роли царской власти, как “последней твердыни общеевропейской реакции” (слова Энгельса)”. Сталин утверждает, что “главные пружины войны (т. е. той войны, которая началась в 1914 г., В. Р.) лежали в плоскости империалистической борьбы между основными империалистическими державами. Дело в том, что со времени Крымского поражения России (пятидесятые годы прошлого столетия) самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы”¹⁵.

Эти новые обвинения Сталина по адресу Энгельса также являются несостоятельными. Сталин допускает ошибку, когда утверждает, что царская Россия не входила в число основных, главных империалистических держав, развязавших в 1914 г. мировую войну, а являлась дескать лишь их вспомогательным резервом. Это утверждение не соответствует ни фактическому положению вещей, ни взглядам Ленина. В известной статье “О сепаратном мире” (1916 г.) Ленин писал: “Война порождена империалистическими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать какие-то колонии и мелкие государства, причем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое – между Англией и Германией. Второе – между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге

---

¹²Под этой брошюрой Ленин имеет в виду свой труд “Империализм, как высшая стадия капитализма” (1916 г.).

¹³В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 214.

¹⁴В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 219.

¹⁵“Большевик”, 1941, № 9, стр. 4.

являются главными величинами в настоящей войне, остальные – несамостоятельные союзники”¹⁶.

Как видно, Ленин считал царскую Россию одним из главнейших империалистических хищников, борющихся между собой за раздел добычи в годы Первой мировой войны. Несомненно, что в начале 90-х годов, когда Энгельс писал свою статью, направленную против реакционной политики русского царизма, роль царской России в международных отношениях была еще более велика. Сталин ошибается также, когда утверждает, что Энгельс якобы переоценивает значение стремления царской России к Константинополю в деле назревания мировой войны. Захватнические устремления русского царизма и, прежде всего, стремление к овладению Константинополем действительно являлись одним из важнейших факторов назревания мировой войны. В статье “О сепаратном мире” Ленин писал: “Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.

“И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между державами”¹⁷.

Таким образом, даже в годы Первой мировой войны, когда уж со всей силой проявились такие новые факторы международной политики, как англо-германский антагонизм и борьба империалистических держав за передел колоний, факторы, которых еще не было при жизни Энгельса, даже тогда Ленин видел в стремлении русского царизма к Константинополю одну из важнейших причин, приведших к Первой мировой войне. Несомненно, что в начале 90-х годов, когда еще не было империализма и порожденных им новых, дополнительных международных противоречий, значение стремления русского царизма к Константинополю, как фактора назревания мировой войны, было еще более велико.

Что касается роли русского царизма, как главного оплота европейской реакции, то Сталин также ошибается, когда утверждает, что эта роль стала

¹⁶В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 115.

¹⁷В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 115–116.

падать уже со времени Крымской войны. Сталин здесь явно спутал два вопроса: вопрос об экономическом отставании стран царской России от стран Западной Европы, которое действительно неуклонно увеличивалось со времени Крымской войны, и вопрос о роли царизма, как крупнейшей в Европе реакционной и агрессивной силы, роли, которую он играл не только во времена Энгельса, но и много позже. Ленин не раз указывал, что русский царизм перестал быть главным оплотом европейской реакции лишь в результате революции 1905 г., которая вывела на историческую арену новую, революционную Россию, в борьбе с которой царизму пришлось прибегнуть к поддержке международной империалистической реакции. В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» (1916 г.) Ленин писал: «Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-первых, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Франции, во-вторых, в силу 1905 года»¹⁸. В одном из писем Ленина к Инессе Арманд мы находим такие строки: «В Западной Европе сложилась система... государств, в общем конституционных, национальных. Рядом с ними могучий, непоколебимый, дореволюционный царизм, грабящий и угнетающий всех сотни лет, подавивший революции 1849, 1863 годов». Несколькими строками выше Ленин отмечал: «Рядом с цивилизованными, сравнительно демократическими нациями стоит царизм. Так было (приблизительно) в Европе с 1815 до 1905 года»¹⁹.

Следовательно, в начале 90-х годов Энгельс имел все основания и должен был писать о русском царизме, как о главном оплоте всей европейской реакции. Что касается эпитета «последняя твердыня общеевропейской реакции», который действительно применял Энгельс, говоря о русском царизме, и который особенно почему-то не понравился Сталину, то Энгельс применял этот эпитет лишь с той целью, чтобы подчеркнуть ту мысль, что свержение царизма повлечет за собой ликвидацию и остальных центров европейской реакции. Характеризуя в письме к румынскому социалисту Иоану Надежде (1888 г.) русский царизм как ядро и главный резерв всей европейской реакции, Энгельс указывал: «Ниспровергнуть царизм, уничтожить этот кошмар, тяготеющий над всей Европой, – вот, на мой взгляд, первое условие освобождения национальностей в центре и на востоке Европы. Раз царизм будет раздавлен, вслед за ним падет злосчастная держава, представляемая ныне Бисмарком, и наша рабочая партия

¹⁸В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 327.

¹⁹В. И. Ленин – Инессе Арманд 19 января 1917 г., В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 219.

пойдет гигантскими шагами к революции. Австрия распадется на части... Польша возродится; Малороссия свободно определит свою политическую позицию; румыны, мадьяры, южные славяне смогут сами урегулировать между собой свои отношения»²⁰.

Замечательный образец научного предвидения – вот что можно сказать по поводу этих слов Энгельса! История их полностью подтвердила. Кому не известно, что вслед за тем, как рухнула монархия Романовых, рухнули и монархии Габсбургов и Гогенцоллернов, и вся карта Центральной и Юго-Восточной Европы была преобразована! Критика Сталиным Энгельса по вопросу о характеристике царизма, как “главной и последней твердыне” европейской реакции (как и еще в ряде вопросов) носит явно надуманный характер.

Но вершиной всех ошибок Сталина в его письме к членам Политбюро ЦК по поводу статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма” является попытка возложить на Энгельса изрядную долю ответственности за измену немецких социал-шовинистов принципам пролетарского интернационализма в августе 1914 г. Сталин пишет: «Нужно отметить, что эти недостатки статьи Энгельса представляют не только “историческую ценность”. Они имеют, или должны были иметь (!) еще важнейшее практическое значение. В самом деле: если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду, как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзас-Лотарингии Германией, как фактор войны, отодвигается а задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным и даже определяющим фактором войны (в действительности Энгельс этого не говорил, Сталин здесь явно сгущает краски, В. Р.), если, наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной, или почти что освободительной?»

“Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от “русского варварства” и т.п.

---

²⁰К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 4–5.

“Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, писанных в 1891 году (через год после опубликования статьи Энгельса), где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что “победа Германии есть, стало быть, победа революции”, что “если Россия начнет войну,— вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!”.

“Понятно, что при таком ходе мыслей не остается места для революционного пораженчества, для ленинской политики превращения империалистической войны в войну гражданскую”²¹.

Этот отрывок ярче всего показывает, как неисторично подходил Сталин к оценке позиции Энгельса по вопросу о войне, занятой им в 1891 г.! Сталин полностью и целиком отождествил обстановку в Европе в 1891 и 1914 годах. Сталин поступил именно так, от чего в свое время Ленин предостерегал Инессу Арманд. Характеризуя обстановку в Европе в 1891 г. (отсутствие империализма; не империалистская, а национально независимая Германия; угрожающий свободе всей Западной Европе царизм; отсутствие в России массового социалистического движения), Ленин писал:

“Германия (1891 года) страна передового социализма. И этой стране грозит царизм в союзе с буланжизмом!

“Ситуация совсем, совсем не та, что в 1914–1917 гг., когда царизм подорван 1905-ым годом, а Германия ведет войну ради господства над миром. Иной коленкор!!

“Отождествить, даже уподобить международные ситуации 1891 и 1914 годов – верх неисторичности”²².

В обстановке 1891 г. ни Энгельс, ни руководители германской социал-демократии не могли занять позиции, аналогичной той, которую Ленин и большевики заняли в 1914 г. (а именно это ставит в упрек Энгельсу Сталин!). То обстоятельство, что в годы Первой мировой войны немецкие социал-шовинисты пытались ссылками на позицию Энгельса в 1891 г. прикрыть свою измену делу пролетарского интернационализма (Ленин называл эти ссылки “ложными ссылками” и “возмутительным искажением взглядов Маркса и Энгельса”), это обстоятельство характеризует не позицию Энгельса в 1891 г., а лишь тактику немецких социал-шовинистов, которую решительно разоблачал Ленин. Но даже тогда, в годы Первой мировой войны, когда социал-шовинисты всех мастей особенно

²¹“Большевик”, 1941, № 9, стр. 5.

²²В. И. Ленин – Инессе Арманд 19 января 1917 г., В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 219–220.

злоупотребляли именем Энгельса, у Ленина не возникло ни тени сомнения в том, что позиция Энгельса в 1891 году была правильной. В ноябре 1916 г. Ленин писал Инессе Арманд:

“Маркс и Энгельс сказали в “Коммунистическом манифесте”, что рабочие не имеют отечества. Но тот же Маркс звал к национальной войне не раз: Маркс в 1848 г., Энгельс в 1859 г. ...Энгельс в 1891 г. ввиду грозившей и надвигавшейся тогда войны Франции (Буланже) + Александра III против Германии прямо признавал “защиту отечества”.

“Были ли Маркс и Энгельс путаниками, сегодня говорившими одно, завтра другое? Нет. По-моему, признание “защиты отечества” в национальной войне вполне отвечает марксизму. В 1891 г. немецкие социал-демократы действительно должны были бы защищать отечество в войне против Буланже + Александра III. Это был бы своеобразный вариант национальной войны”²³.

Как видно, Ленин давал совершенно иную оценку позиции, которую занял Энгельс в 1891 г. по вопросу о войне, чем Сталин. Вряд ли нужно еще доказывать, что историческая правда в этом вопросе находится целиком на стороне Ленина, а не Сталина.

* * *

В 1891–1892 гг. франко-русский союз, который подготавливался уже давно, получил свое окончательное оформление. Французские и русские националисты не скрывали своих антигерманских планов. Немецкие милитаристы, которые еще раньше сколотили военный блок против Франции и России, вели себя не менее провокационно. Во всей Европе заговорили о неизбежности войны между этими двумя блоками.

Энгельс считал, что задача социалистов всех стран заключается прежде всего в том, чтобы разоблачить и пресечь происки поджигателей войны и тем обеспечить сохранение мира. Вместе с тем он полагал, что социалистам следует уже заранее определить свою позицию на тот случай, если война все же разразится. Это мнение разделяли Бебель и другие руководители германской социал-демократии.

В конце сентября 1891 г. Бебель поместил в “Форверс” статью (“Русский заем”), в которой указывал на угрожающую военную опасность со

²³В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 201.

стороны России и заявлял, что немецкие социал-демократы должны будут добиваться разгрома армий русского царя. Энгельс полностью одобрил это заявление Бебеля: “мы, в наших собственных интересах, должны будем всеми силами добиваться разгрома России” – писал он ему²⁴.

В середине октября 1891 г., выступая на Эрфуртском съезде Германской социал-демократии, Бебель повторил свое заявление: “Если Россия, этот оплот жестокости и варварства, враг цивилизации, нападет на Германию, чтобы расчленить и уничтожить ее (а подобная война не может иметь других целей), то это коснется нас в такой же мере, и даже больше, чем тех, кто стоит у власти, и мы выступим против этого”²⁵. Энгельс солидаризировался и с этим заявлением Бебеля. В конце октября 1891 г. он писал ему: “мы должны отстоять завоеванное нами положение во главе рабочего движения не только против внутреннего, но и против внешнего врага. Если победит Россия, – мы (т. е. немецкие социалисты, В. Р.) будем раздавлены. Итак, если Россия начнет войну, – вперед на русских и их союзников, – кто бы они ни были. Тогда уж наше дело позаботиться о том, чтобы война велась всеми революционными средствами”²⁶.

Энгельс подчеркивал, что подобная позиция социал-демократии ни в коем случае не будет означать поддержки нынешнего реакционного режима, существующего в Германии. Он писал Бебелю: “Дело идет о существовании нации, а для нас также о сохранении той позиции и тех видов на будущее, которые мы себе завоевали. Чем революционнее будет вестись война, тем более она будет вестись в нашем духе. И может статься, что в противовес трусости буржуа и юнкеров, которые захотят спасти свою собственность, мы окажемся единственной действительно энергичной военной партией. Может, конечно, случиться и то, что нам придется взять власть и разыграть 1793 год, чтобы вышвырнуть русских и их союзников”²⁷.

В другом письме к Бебелю Энгельс заявлял еще более определенно: “Современный режим в Германии ни в коем случае не выдержит войны,

---

²⁴Энгельс – Бебелю 29 сентября 1891 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 343.

²⁵Книга для чтения по истории нового и новейшего времени, т. III, Издательство “Пролетарий” 1930, стр. 512.

²⁶Энгельс – Бебелю 24–26 октября 1891 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 364.

²⁷Энгельс – Бебелю 13 октября 1891 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 354–355.

так как оборона потребует слишком огромного напряжения сил и революционных средств”²⁸.

Эту же мысль Энгельс подчеркивал и в письме к Зорге: “Борьба примет такой ожесточенный характер, что Германия сумеет держаться лишь революционными мерами, почему мы, легко возможно, и будем вынуждены встать у кормила правления и разыграть 1793 год”²⁹.

Как видно, тактика, которую Энгельс намечал для германской социал-демократии в 1891 г. на случай войны с царской Россией и ее союзницей Францией – это революционная тактика, тактика, рассчитанная на развязывание революции в Германии, на свержение власти юнкерства и буржуазии, на завоевание власти пролетариатом и его партией. Эта тактика соответствовала той линии, которую Маркс и Энгельс проводили в вопросах внешней политики на протяжении всей своей жизни, начиная с революции 1848 г. Революционный характер той позиции, которую Энгельс рекомендовал занять германской социал-демократии на случай войны с Россией в 1891 г., нашел свое яркое выражение в статье “Социализм в Германии”, которую Энгельс написал специально для французской рабочей печати, “считая нужным откровенно сказать французам всю правду о том, какое мы займем положение, если дело дойдет до войны”³⁰.

В этой статье Энгельс резко осудил внешнюю политику как Франции и России, так и Германии, ту политику, в результате которой “социалисты всех этих стран, призванные против воли под ружье, должны были бы драться друг против друга”.

Энгельс дал яркую обличительную характеристику Германской империи, которую он считал в такой же мере ответственной за возникновение нынешнего напряженного положения, как и русско-французский блок. Он писал: “Ее полицейская, мелочная, доходящая до жалких придирок, недостойная великой нации внутренняя политика навлекла на нее презрение всех буржуазно-либеральных стран; ее внешняя политика внушает соседним народам недоверие, даже ненависть. Насильственной аннексией Эльзас-Лотарингии германское правительство сделало на долгие годы невозможным примирение с Францией, а Россию, без всякой

²⁸Энгельс – Бебелю 29 сентября 1891 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 345.

²⁹Энгельс – Зорге 24 октября 1891 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 360.

³⁰Энгельс – Бебелю 24–26 октября 1891 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 363.

действительной выгоды для самого себя, оно сделало третейским судьей Европы”.

Вместе с тем Энгельс подчеркивал, что русский царизм, в союз с которым вступила французская буржуазия, представляет собой еще более злейшую форму реакции, угрожающую ликвидировать даже те ограниченные завоевания, которых добились немецкие трудящиеся своей долголетней борьбой с Бисмарком и его режимом. “Русский царизм – враг всех западных народов, даже буржуазии этих народов, – писал он. – Если бы царские орды ворвались в Германию, они принесли бы не свободу, а рабство, не развитие, а опустошение, не прогресс, а одичание. Рука об руку с царем Франция не может принести немцам ни малейшей освободительной идеи”³¹.

Энгельс указывал, что война, которую нынче провоцируют как русско-французские, так и немецкие милитаристы, неизбежно поставила бы под угрозу национальное единство Германии, которое досталось немцам такой дорогой ценой. “А тогда Германия будет бороться уже просто за свое существование. Если она... будет побеждена, раздавлена между французским молотом и русской наковальней, то Россия отнимет у нее старую Пруссию и польские провинции, Дания – весь Шлезвиг, Франция – все левое побережье Рейна... Но раздробленная таким образом Германия не в состоянии была бы выполнить в историческом развитии Европы подобающую ей роль”. Энгельс подчеркивал также, что победа русского царизма и его союзницы – французской буржуазии означала бы также разгром немецкого социализма. “Ни царь, ни французские буржуазные республиканцы, ни само германское правительство, – писал он, – не упустили бы такого прекрасного случая покончить с единственной партией, которая для всех троих является общим “врагом”. Мы видели, как Тьер и Бисмарк протянули друг другу руки над развалинами Парижской Коммуны, и нам довелось бы еще увидеть, как царь, Констан и Каприви – или какие-нибудь их преемники – заключают друг друга в объятия над трупом немецкого социализма”.

Но если победа армий русского царя и его союзницы – Франции будет означать раздробление Германии и подавление немецкого рабочего движения в такой же мере, в какой царь подавляет русское рабочее движение, – то в чем же будет заключаться долг немецких социалистов? – так ставит вопрос Энгельс. И отвечает: “В интересах европейской революции они обязаны отстаивать все завоеванные позиции и не капитулировать перед

³¹К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 245–246.

внешним врагом, так же, как и перед внутренним. А это они смогут выполнить лишь в борьбе до последней крайности с Россией и со всеми ее союзниками”.

Энгельс объяснял французским социалистам, что, поступая так, немецкие социалисты будут бороться отнюдь не ради того, чтобы добыть победу господствующим классам своей страны. Он писал: “Ни один социалист, к какой бы национальности он ни принадлежал, не может желать ни военного торжества нынешнего германского правительства, ни торжества французской буржуазной республики и уж меньше всего – торжества царя, которое было бы равносильно порабощению Европы”. Энгельс указывал, что немецкий рабочий класс будет бороться по революционному, будет добиваться прихода к власти своей, рабочей партии. “Нынешнее правительство, если только оно не будет к этому вынуждено, конечно, не развяжет силы революции, – писал он. – Но в Германии есть мощная партия, которая может его принудить к этому или в крайнем случае занять его место: социал-демократическая партия”³².

Энгельс заявлял также, что когда германская социал-демократия придет к власти, она “не сможет ни использовать ее, ни удержать в своих руках, не исправив тех несправедливостей по отношению к другим нациям, которые были совершены ее предшественниками. Она подготовит восстановление Польши, которую в настоящее время так подло предала французская буржуазия; она должна будет дать Северному Шлезвигу и Эльзас-Лотарингии возможность самим свободно определить свое политическое будущее”³³.

Таков тот замечательный вариант “национальной войны” (Ленин), который разработал Энгельс в 1891 г. в предвидении близкого, как тогда казалось, вооруженного конфликта между германским и русско-французским блоками. Этот вариант полностью соответствовал условиям эпохи. Ленин писал Инессе Арманд: “Война Франции + России против Германии в 1891 г.... Я же и говорю, что со стороны Франции и России это была бы реакционная война (война из-за того, чтобы повернуть назад развитие Германии, вернуть ее от национального единства к раздроблению): А со стороны Германии? .... Со стороны Германии в 1891 г. не было и быть не могло империалистского характера войны”³⁴.

---

³²К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 248–249.

³³К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 246.

³⁴В. И. Ленин – Инессе Арманд 25 декабря 1916 г., В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 213–214.

Следует также указать, что взгляды Энгельса и Бебеля на задачи немецкой социал-демократии в случае возникновения войны между Францией и Россией – с одной стороны, и Германии – с другой, высказанные в 1891 г., полностью разделял и решительно поддерживал такой видный представитель русской революционной социал-демократии того периода, как Г. В. Плеханов.

На международном социалистическом конгрессе в Цюрихе (август 1893 г.) Г. В. Плеханов выступил с резкой отповедью тем французским и голландским анархистам, которые позволяли себе называть Бебеля шовинистом из-за его нападок на русский царизм. “Здесь ссылались на одну речь Бебеля, в которой он якобы проповедывал национальную вражду против России, – говорил Плеханов. – Но, граждане, Бебель выступал против официальной России, он нападал на царя, он приставил его к позорному столбу истории. Да, по отношению к нему мы вполне согласны с нашим другом Бебелем. Уже давно пора покончить с русским царизмом, позором всего цивилизованного мира, с постоянной опасностью для европейского мира и прогресса культуры. И чем больше наши немецкие друзья нападают на царизм, тем более должны мы быть благодарны. Bravo, мои друзья, бейте его сильнее, сажайте его на скамью подсудимых возможно чаще, нападайте на него всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами”.

Далее Плеханов заявил, что если бы сейчас началась русско-немецкая война и “если бы немецкая армия перешла наши границы, она пришла бы как освободительница, как пришли французы национального конвента сто лет назад в Германию, чтобы, победив князей, принести свободу народу”³⁵.

В статье, посвященной итогам Цюрихского конгресса, Плеханов подчеркивал, что у социалистов всех стран не и не может быть иной линии по отношению к русскому царизму, кроме линии на борьбу с ним, на его изоляцию, на его разгром. “Но пусть русское правительство держит себя спокойно, – писал он. – Социалисты будут первыми борцами против всяких воинственных тенденций. И если это ненавистное правительство не будет держаться смирно, если оно попытается наложить свою тяжелую лапу на соседние народы, тогда всякое воздержание будет преступным, тогда нужна будет война, смертельная война, война без отдыха и пощады! И эта война против нашего правительства будет в то же время войной за освобождение нашего народа”³⁶.

³⁵Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, изд. 2-ое, стр. 331.

³⁶Г. В. Плеханов, Соч., т. IV, изд. 2-ое, стр. 162.

Так писал Плеханов в свою лучшую пору, когда он был еще революционным марксистом!

В дальнейшем Бебель и Плеханов сошли с той революционной, интернационалистской позиции по вопросу о войне, которую они занимали (вместе с Энгельсом) в начале 90-х годов. Бебель был прав, когда он в 1891 г. призывал к защите отечества и к борьбе с русским царизмом. Плеханов был прав, когда он в 1893 г. призывал к поражению русского царизма. Но Бебель не осознал коренных изменений, которые произошли в международной обстановке с наступлением новой эпохи – эпохи империализма. В 1907 г. Бебель продолжал призывать к защите отечества и к борьбе с русским царизмом, хотя царизм уже был подорван революцией 1905 г., уже перестал быть главной опорой европейской реакции, хотя уже сама Германия превратилась в важнейший оплот империалистической реакции и угрожала свободе и независимости других народов. Плеханов изменил делу пролетарского интернационализма, поправ все свое славное прошлое, когда в 1914 г. призвал к “защите отечества” в империалистической войне. Однако ни сползание в дальнейшем Бебеля на оппортунистические позиции в вопросе о войне, ни измена Плеханова не дают никому право квалифицировать позицию, которую они занимали в 1891 г. (вместе с Энгельсом), как оппортунистическую.

*   *
                                 *
                                 *

Статья Сталина о работе Энгельса “Внешняя политика русского царизма”, антиисторическая и субъективистская по своему характеру, оказала отрицательное влияние на развитие советской исторической науки. Объявленная в обстановке культа личности Сталина “гениальным и основополагающим трудом”, эта статья насаждала несвойственный советской исторической науке нигилизм к поздним произведениям Энгельса, ориентировала на ревизию или, по меньшей мере, на фактическое игнорирование ряда важнейших положений Ленина по вопросам империализма и войны, культивировала антиисторизм в исторической науке. Под влиянием сталинской “критики” Энгельса в нашу историческую литературу проник антиисторический и совершенно нелепый взгляд, что будто бы Энгельс в последние годы своей жизни занимал оппортунистическую позицию по вопросу о войне. В предисловии к XXVIII тому сочинений Маркса и Энгельса (первое издание) так и написано: “Позицию Энгельса в

вопросе об отношении к грядущей войне можно характеризовать как пассивное пораженчество, от которого он потом отказался в пользу оборончества в том случае, если царская Россия начнет войну против Германии”³⁷. В ряде произведений советских авторов замалчивались или искажались ленинские характеристики тех вопросов, которым Сталин дал в своем “труде” иную оценку. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что до сих пор никто еще из советских авторов не прокомментировал сколько-нибудь обстоятельно такие замечательные ленинские документы, как опубликованные в 1949 г. письма Владимира Ильича к Инессе Арманд, которые не оставляют камня на камне от всей сталинской “хулы” (Ленин) по адресу Энгельса. Игнорирование ряда ленинских оценок проникло и в зарубежную марксистскую литературу. Даже такой замечательный марксист-ленинец, как Уильям Фостер, и тот написал в своем труде “История трех Интернационалов” такие несправедливые строки: “В 1893 году Энгельс выступал за национальную оборону Германии против русского царизма. И, несомненно, именно такую войну имел в виду Бебель, когда говорил, что сам “возьмется за оружие”, и Плеханов, когда заявлял, что русский народ будет приветствовать германскую армию как освободительницу. Но, как оказалось впоследствии, точка зрения Энгельса была ошибочной”³⁸.

Сталинская “критика” Энгельса несомненно затормозила научное изучение в нашей стране истории германской социал-демократии и истории Второго Интернационала, поскольку она ориентировала на игнорирование того лучшего, что имелось в истории международного рабочего движения последней трети XIX века.

Чем скорее наши историки осознают и избавятся от ошибок, которые у нас допущены под влиянием антиисторической статьи Сталина о работе Энгельса “Внешняя политика русского царизма”, чем скорее будут восстановлены ленинские оценки всех этих вопросов, тем успешнее будет развиваться наша историческая наука..

---

³⁷К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. XIII–XIV.

³⁸У. Фостер. История трех Интернационалов. М., 1959, стр. 154.